

Глава 2. Пустые стены

Стоило Главе клана распорядиться, как толпа, собравшаяся во дворе Цю Хуаняня, начала понемногу редеть.

Сегодня деревенские посмотрели отменное представление. Они увидели братца Хуа с совершенно иной, неведомой им стороны и теперь спешили разойтись по домам, чтобы первыми пересказать свежие сплетни друзьям и близким.

Покойный свёкор Хуаняня, Ду Баоянь, когда-то считался самым удачливым и толковым среди сверстников в деревне семьи Ду. Будучи искусным плотником, он работал быстро и споро, а заработанные деньги не торопился тратить на расширение дома или покупку земли. Вместо этого он проявил завидную дальновидность и отправил старшего сына учиться.

Старший сын надежды оправдал: уже в десять лет он сдал экзамены на звание туншэна, чем привлёк внимание великого столичного наставника, который и забрал его с собой для дальнейшего обучения. Все верили, что не ровен час, и в семье Ду появится настоящий чиновник.

В те времена дому Ду Баояня завидовали во всех окрестных деревнях.

Увы, счастье было недолгим. Баоянь трагически погиб на обязательных работах, и семья лишилась своей главной опоры. Источников дохода не осталось, и хозяйство начало медленно, но верно приходить в упадок.

Последняя надежда теплилась лишь на то, что старший сын в столице выбьется в люди, но месяц назад пришла горькая весть. Сказывали, наставник его разгневал какого-то вельможу и был брошен в темницу. В столице Ду Юньсэ оставаться больше не мог и со дня на день должен был вернуться в родную деревню.

Знай Ду Баоянь заранее о таком исходе, он наверняка предпочёл бы вложить деньги не в книги и кисти, а в добротный дом и плодородную землю.

В деревне развлечений немного, так что в последнее время эта семья стала главной темой для пересудов за чашкой чая. Люди судачили, что Вдове Ли ещё повезло уйти в мир иной на два месяца раньше — по крайней мере, ей не пришлось выслушивать вести о крахе надежд сына. И в то же время все сокрушались, что теперь, после её смерти, в доме и вовсе не осталось никого, кто мог бы тащить на себе это бремя.

Госпожа Чжао пришла скандалить, даже не попытавшись разобраться в причинах ссоры, именно потому, что рассчитывала на беззащитность сирот. Она была уверена: ей никто не посмеет возразить.

Но расчёт её оказался в корне неверным. Она не только ушла ни с чем, но ещё и лишилась яиц и целой курицы.

Кто бы мог подумать, что братец Хуа, который при Вдове Ли был тише воды ниже травы, на поверку окажется таким хватким и яростным? И, что самое обидное, ярость его была подкреплена железной логикой.

Юноша спокойно выдержал на себе косые взгляды уходящих людей. Когда последний гость скрылся за воротами, он запер старую, но всё ещё крепкую деревянную дверь и позвал детей в дом.

Жилище семьи Ду представляло собой простую мазанку под соломенной крышей. В ней было три помещения: центральная зала и две боковые комнаты.

Правую комнату использовали как кладовую для зерна и утвари; она была единственной, на чьей двери висел замок. В центральной зале раньше жила Вдова Ли с детьми, и после её смерти комната пустовала. Левая же комната принадлежала Цю Хуаняню, и сейчас вся троица ютилась именно там.

Чтобы сэкономить дрова, кан топили только на ночь. Весенний воздух в хижине был сырым и промозглым, и Хуанянь невольно поморщился, переступив порог.

— Братец Хуа, я сейчас затоплю кан. Ложитесь с Цзюцзю, отдохните немного, — Чуньшэн, несмотря на малые годы, рассуждал удивительно здраво и по-взрослому.

— Я помогу! — подхватила Цзюцзю. — Братцу Хуа нужно набраться сил после падения.

Глядя на этих малышей, Хуанянь почувствовал, как в груди разливается тепло. Он ласково погладил их по головам:

— Будьте осторожны, не обожгитесь. Как закончите, угощу вас конфетами.

Дело было вовсе не в лени. Просто, во-первых, он понятия не имел, как обращаться с местным отоплением, а во-вторых, в деревне семьи Ду подобная нехитрая работа традиционно считалась детской обязанностью. Чуньшэн и Цзюцзю привыкли к этому труду, и если бы он запретил им помогать, дети почувствовали бы себя ненужными.

Для маленьких существ, привыкших бороться с невзгодами, лучший способ пережить страх — это не покой, а привычная рутина, возвращающая ощущение контроля над жизнью.

Когда дети, взявшись за руки, вышли из комнаты, Хуанянь тоже не стал сидеть сложа руки. Опираясь на память прежнего владельца тела, он решил провести полную ревизию домашнего имущества, чтобы понять, на что может рассчитывать.

Оказавшись в древности по воле случая, он, конечно, в глубине души мечтал вернуться домой. Но Хуанянь был реалистом: падение в пропасть в его мире вряд ли оставляло шансы на выживание. Надежда на возвращение была призрачной, а значит, стоило дорожить возможностью прожить эту новую жизнь.

Приняв личность прежнего Цю Хуаняня, он принял на себя и его обязательства. И прежде всего — долг позаботиться о детях семьи Ду, как того желал бы его предшественник.

«Если существует хоть малейший шанс, что прежний Хуанянь занял моё место в современном мире, — я искренне надеюсь, что он позаботится о моих родителях так же, как я позабочусь о его близких»

Юноша отыскал ключ от кладовой и отпер тяжёлую дверь. Добра внутри было немного: в основном плотницкие инструменты, оставшиеся от Ду Баояня, да обрезки древесины.

Запасы еды тоже не внушали оптимизма. Белого риса и муки оставалось всего по две меры — такое ели только по большим праздникам.

Кроме того, нашлось полкадки кукурузы, кадка сорго, кадка солёных овощей и большой мешок сушёной зелени. Если затянуть пояса потуже, этого должно было хватить семье из четырёх человек на полгода.

Однако скоро должен был вернуться старший сын. Аппетит у взрослого мужчины наверняка будет побольше, чем у покойной Вдовы Ли, так что вопрос пропитания вставал ребром.

В юго-восточном углу двора росла большая груша, под которой раскинулся небольшой огород. Вдоль забора уже проклюнулись стрелки лука и чеснока, но остальные грядки стояли пустыми — время посадок ещё не пришло.

В курятнике у забора осталось всего две старые несушки. В день они давали по паре яиц, которые в семье обычно не ели, а копили до десятка, чтобы обменять на медяки в городе.

Отдельной кухни в доме не было. Прямо под южной стеной двора располагался очаг с двумя конфорками под большие чугунные котлы. Каждый раз, когда нужно было готовить, утварь приходилось выносить из кладовой.

Наконец Хуанянь отыскал в самом дальнем углу шкафа в своей комнате заветный ларец. Вдова Ли передала его ему перед самой смертью — это было всё скромное достояние семьи Ду. За годы совместной жизни Ли привыкла доверять Цю Хуаняню больше, чем кому бы то ни было.

В шкатулке, сработанной рукой мастера-плотника, хранились купчая на эту лачугу и документы на шесть му земли. Из них два му были заливными полями, а четыре — суходольными. Также там лежало два ляна серебра, пара серебряных браслетов и восемьдесят

шесть медных монет.

В этих краях за три медяка можно было купить яйцо, за восемь — цзинь белого риса, а цзинь свинины стоил тридцать пять монет.

Если пересчитать это на современные деньги, выходило, что одна монета — это примерно пол-юаня, а один лян серебра — пятьсот. Иными словами, все сбережения семьи Ду составляли одну тысячу сорок три юаня.

Для заначки одного человека это было бы неплохо, но для семьи из четырёх человек... Вердикт был однозначен: нищета. Самая беспросветная нищета.

После смерти кормильца в дом не поступало никаких крупных сумм. Ежегодно, оставив часть урожая на прокорм, они продавали излишки, но эти крохи тут же уходили на ткани, соль, масло и другие предметы первой необходимости.

На лечение Вдовы Ли ушло два ляна, ещё столько же — на похороны. Остались лишь эти жалкие крохи. И то лишь потому, что Баоянь при жизни успел подготовить гробы для себя и жены, так что на это тратиться не пришлось.

Хуанянь вздохнул. В прошлой жизни он был образцовым представителем борьбы с бедностью в сельских районах. Похоже, в этой жизни ему придётся вернуться к старой профессии.

Серебро он трогать не стал, лишь отсыпал медяки в вышитый Цзюцзю кошелек с грубоватыми цветами.

Бедность — плохой союзник для великих дел. Даже для самой блестящей идеи нужен начальный капитал.

Когда юноша закончил с подсчётами, вернулись дети. Кан начал прогреваться, и он позвал их к себе, чтобы разделить сладости. Малыши из вежливости отказывались, но их глаза так и сияли при виде конфет. Сердце Хуаняня дрогнуло.

— Вы ещё маленькие, от сахара зубы портятся. Поэтому все конфеты будут лежать в этой корзинке на столе. Каждый день вы сможете брать по одной. И смотрите, следите друг за другом, чтобы никто не съел больше положенного, договорились?

Чуньшэн и Цзюцзю переглянулись.

— Но братец Хуа, если есть по одной каждый день, они же быстро закончатся.

Человек, принёсший весточку от Ду Юньсэ, был его старым знакомым. Проезжая мимо, он

заскочил передать письмо, но из-за спешки не приготовил подарков. Лишь в последний момент он выудил из тюков мешочек арахисовых конфет, чтобы порадовать детвору.

В мешочке было всего пара десятков штук. Часть уже съели, и если брать по одной в день, запасов не хватило бы и на десять суток.

— Обещаю вам: когда эти закончатся, в корзинке появятся новые.

Братец Хуа вложил по конфете в ладошки детей. Не успел он опомниться, как Цзюцзю положила одну и перед ним.

— Братец Хуа тоже должен съесть, — сказала она. Чуньшэн согласно закивал.

Глядя на их худые лица и чистые, ясные глаза, молодой человек ощутил странный прилив нежности.

В современной жизни он перепробовал множество деликатесов и вовсе не собирался отнимать у детей их редкое лакомство. Однако Цзюцзю и Чуньшэн были непреклонны: они не притронутся к сладостям, пока брат не разделит их с ними. Хуаняню ничего не оставалось, кроме как развернуть обёртку и отправить в рот кусочек арахисовой конфеты.

Лакомство было хрустящим и твёрдым. Жареный арахис отдавал приятным ароматом — вкус и впрямь был достойным. Для деревенских детей это наверняка казалось пищей богов. Малыши смаковали каждый кусочек, боясь, что удовольствие закончится слишком быстро.

«Сахар... сладости...»

Его глаза азартно блеснули. В памяти всплыло идеальное решение — дело, не требующее больших вложений, но способное быстро принести доход.

В прошлой жизни Цю Хуанянь окончил престижный университет и несколько лет варился в котле бесконечных переработок в крупной компании. С каждым годом он всё сильнее тосковал по детству, проведённому с дедушкой и бабушкой в деревне.

После того как один его коллега умер от истощения на рабочем месте, а другого уволили из-за тяжёлой депрессии, он принял решение. Он уволился, вернулся в деревню, отремонтировал старый дом на скопленные деньги и начал новую жизнь.

Он не боялся труда и не собирался бездельничать. Он просто верил, что если и тратить силы, то лишь на ту жизнь, о которой мечтаешь сам.

Обосновавшись, он начал снимать видео о сельских буднях и вскоре стал известным блогером в

лайфстайл-сегменте.

Ради контента он освоил множество ремёсел и даже помог раскрутить местную фермерскую продукцию. Благодаря его усилиям многие бедные семьи в его родных краях поправили своё положение, а сам он получил почётное звание «Образцового борца с бедностью» от местного правительства.

И вот теперь те навыки, что раньше служили лишь для красивой картинки в кадре, стали его единственным средством к существованию.

Прокрутив план в голове ещё раз, Хуанянь понял — это сработает. Он не мог больше сидеть на месте.

Он всегда отличался деятельным характером: сказано — сделано. Однажды, чтобы проучить хейтеров, он в прямом эфире в одиночку убрал десять му пшеницы, за что фанаты прозвали его «Первым королём конкуренции в лайфстайл-сегменте».

Юноша вынес из кладовой огромный деревянный таз. Наполнил его наполовину водой, выгреб из очага пригоршню древесной золы и растворил её в ковше. Дождавшись, когда осадок осядет, он осторожно перелил чистую воду в таз.

Цзюцзю и Чуньшэн с любопытством выбежали во двор.

— Братец Хуа, что ты делаешь?

— Буду готовить вам сладости, — улыбнулся он.

Сладости? Цзюцзю сглотнула слюну, но так и не поняла, зачем для этого нужно столько воды и золы.

Чуньшэн обеспокоенно нахмурился, втайне боясь, что брат всё-таки повредил голову при падении.

Хуанянь засучил рукава, отсыпал из кадки две меры сорго и всыпал зерно в воду, разравнивая его руками.

— Братец Хуа... это и есть сахар? — недоверчиво спросил Чуньшэн.

— Это будет сахар, — загадочно кивнул Хуанянь, нарочно не вдаваясь в подробности.

Дразнить детей было весело, а таких послушных и милых — весело вдвойне.

Он хотел было добавить что-то ещё, но в ворота постучали. Юноша отряхнул руки и пошёл открывать. На пороге стояла жена Баошаня, которую Глава клана отправил за обещанным возмещением.

— Тётушка, спасибо, что похлопотали. Проходите в дом, — Хуанянь отступил, пропуская гостью.

Ду Баошань был одним из самых молодых в своём поколении клана Ду. Его жене не исполнилось и тридцати; у неё были тонкие черты лица и живой, открытый взгляд, а улыбка её сразу располагала к себе.

— Мой муж и твой свёкор — двоюродные братья по деду. Мы — одна семья, так что нечего чиниться. В девичестве я была из рода Ху, так что зови меня тётушкой Ху.

Хуанянь извлёк из памяти сведения об этой родне. Эти семьи и впрямь поддерживали отношения, хоть и не были особенно близки. Вдова Ли в последние годы вела затворнический образ жизни и мало с кем общалась.

— А как ваше имя, тётушка? — с улыбкой спросил он.

— Моё? Ху Цюянь.

— Тогда я буду звать вас тётушкой Цюянь.

Ху Цюянь на мгновение замерла. Ей стало немного не по себе от такого обращения, но в этом странном чувстве сквозила и необъяснимая радость.

Она прошла во двор и протянула Хуаняню корзину.

— Вот, держи. Девять яиц, как обещано. И курица — я её уже зарезала и опалила, потроха тоже здесь. Жена Баоцюаня — баба скупая, подсунула старого петуха, который едва ноги таскал. Я подумала, тебе сейчас не до того, чтобы с птицей возиться, так что попросила своего мужа всё подготовить, прежде чем нести.

Её взгляд случайно упал на большой таз с сорго, стоящий под навесом. Она удивлённо приподняла брови:

— Братец Хуа, зачем ты замочил столько зерна? Для каши обычно берут понемногу перед самой готовкой. Если закиснет — пиши пропало.

Цю Хуанянь только и ждал этого вопроса.

Он с улыбкой поставил корзину на очаг и повторил то же самое, что уже сказал детям:

— Тётушка Цюянь, я собираюсь приготовить для Цзюцзю и Чуньшэна сахар.

<http://bllate.org/book/15363/1372816>